

ФРУСТРАЦИЯ СУБЪЕКТА В ДИСКУРСЕ «КОВИДНЫХ ДНЕВНИКОВ»

Алишер Шавкатович Шарипов (aligrapher@gmail.com)

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Шарипов А.Ш. (2023) Фрустрация субъекта в дискурсе «ковидных дневников». *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(3): 181–200.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.7>. EDN: ZJNVJG

Аннотация. В период пандемии COVID-19 правительства многих стран ввели ограничения на свободу передвижения и социальные контакты, что для некоторых социальных групп стало причиной психоэмоциональных проблем, даже когда финансовые последствия были несущественными. В статье на основании анализа коронавирусных дневников русскоязычных ученых-гуманитариев предлагается объяснение негативных реакций авторов на сложившуюся ситуацию с точки зрения характеристик неолиберальной субъектности Дардо и Лавала и теории чрезвычайного положения Джорджо Агамбена. Целью исследования стали не социально-экономические перемены, связанные с пандемией, а деконструкция норм и особенностей субъектности, проявившейся в дневниковых нарративах в ответ на репрессивные вызовы карантина. Значения высказываний в дневниках рассматриваются по методу дискурс анализа Поттера и Уэтерелл, раскрывающего авторское отношение к ситуации, отделяющее его от конкурирующих альтернативных моделей и обосновывающего реакции авторов на вызовы реальности. Дискурс-анализ приводится в рамках четырех интерпретативных репертуаров, выявленных в ходе предварительного исследования во всех дневниках: *использование пространства, управление временем, приоритеты социализации и забота о себе*. Анализ показывает, что фрустрация из-за страха заражения коронавирусом и невозможности реализации неолиберальных императивов продуктивности и разнообразия потребительских практик на фоне перманентной тревоги в ответ на биополитическое насилие государств стали основными источниками психоэмоциональных проблем для представителей выбранного социального профиля.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, дневниковый метод, неолиберальный субъект, дискурс анализ, психоэмоциональный дистресс.

Введение

С самого начала пандемии¹ феномен COVID-19 стал объектом исследовательского интереса не только в контексте политэкономических,

¹ В условиях интенсивной медийной повестки минувшего года, акцентирующей глобальные военно-политические риски для всего человечества, активная фаза пандемии коронавируса 2020 г. кажется далекой историей, хотя официально ВОЗ анонсировала окончание пандемии только 5 мая 2023 г.

но и социальных последствий изоляции, поскольку цифровизация привела к нарушениям ритуалов взаимодействия (Collins 2020), усилилось социальное неравенство и ограничение свобод (Madianou 2020), локдауны стали причиной возросших психоэмоциональных проблем по всему миру (UN Policy 2020). В обзоре англоязычных публикаций о психиатрических и психологических эффектах пандемии (Kontoangelos 2020) высказано предположение, что больше всего в этом смысле пострадали медики, дети, пожилые и люди с психиатрическими диагнозами. В то же время по результатам российского исследования Е. Карповой и Е. Николаевой не подтвердилась гипотеза, что состояние людей из группы риска (т.е. имевших психологические нарушения в анамнезе) ухудшилось в условиях изоляции, напротив, наиболее уязвимой оказалась группа здоровых респондентов, для которых «сложившаяся ситуация фрустрировала привычные потребности» (Карпова, Николаева 2020: 66).

В статье рассматриваются характер и причины психоэмоциональных проблем группы ученых-гуманитариев, которые приняли участие в исследовании социологов Европейского университета в Санкт-Петербурге Д. Литвиной и А. Темкиной на первом этапе пандемии 2020 г. В период с 25 марта по 10 июня 2020 г. 34 русскоязычных ученых в десяти странах мира находились на карантине и фиксировали в дневниках изменения в своей повседневности: «В дневниках раскрываются такие темы, как глобальные и повседневные вызовы, связанные с эпидемией; физические и символические изменения пространства и времени; поведение и взаимодействия людей в городе, в общественных местах, в транспорте, в магазинах, в медицинских учреждениях; поломки и реорганизация профессиональной и повседневной жизни; баланс гендерных ролей, изменения границ между публичным и приватным; трансформация личных / семейных / интимных отношений, отношений со старшим поколением; новые способы коммуникации (в том числе транснациональные взаимодействия) и новые солидарности; новые телесные практики; болезни; эмоциональные практики; реакция на различные медийные дискурсы и государственные меры поддержки / контроля»¹.

Анализируя результаты исследования, Д. Литвина и А. Темкина отмечают: «Несмотря на то что во время пандемии академические работники могли трудиться удаленно, выполняя свои профессиональные обязательства и сохраняя (в той или иной мере) свой доход, по нашим данным, они испытывали ощущения незащищенности, уязвимости и фрустрации»

¹ <https://eusp.org/projects/virusnye-dnevniki-khroniki-povsednevnosti> (дата обращения 21.07.2023).

(Litvina, Temkina 2022: 45). Причину этого авторы видят прежде всего в «неструктурированном пространстве-времени и наложении задач и обязанностей, которые привели к субъективному переживанию низкой продуктивности, а именно неспособности действовать “подобающим” академическим образом. Это вызывало чувства тревоги, стыда и вины» (Litvina, Temkina 2022: 62).

Во вступлении авторы подчеркивают, что «ставят своей целью не углубляться в дискуссию о прекаризации ученых в условиях неолиберализации академического поля, а сосредоточиться на контексте локдауна COVID-19 и удаленной работы» (Litvina, Temkina 2022: 45). Будучи участником этого дневникового проекта, я хотел бы сосредоточиться именно на корреляции эмоционального дистресса с неолиберальным типом субъектности, отраженной в дискурсивных особенностях языка, с помощью которого представители упомянутой привилегированной группы ученых-гуманитариев описывают свою «фрустрацию привычных потребностей» в условиях пандемии. Реакция на карантин позволяет деконструировать нормы повседневности участников проекта «Вирусные дневники: хроники повседневности», пластичные и ригидные области этих норм, обнаруживающиеся в столкновении с ограничениями карантина, моральные императивы и угрозы, вызывающие чувства вины и тревоги.

Методология

Императивы неолиберальной идеологии основаны на желании максимальной эффективности себя как предприятия в условиях конкуренции. В самом общем виде, в отличие от либерального субъекта, который сохраняет множественность проявлений в разных сферах жизни, неолиберальный субъект унифицирован голосом Другого в единое «предприятие», управляющее собой, действующее на основе желания (*desire*) в своих интересах и конкурирующее с другими такими же индивидуальными субъектами-предприятиями (Dardot, Laval 2014).

Рудиментарные элементы неолиберальной субъектности начали складываться более двух столетий назад под влиянием открытий в области психофизиологии: «Политическая экономия быстро сделала своим гарантом научную психологию, описывающую психическую экономию как последовательно вытекающую из политической. Слияние экономических механизмов и психофизиологии ощущений началось еще в XVIII столетии» (Dardot, Laval 2014: 260). В последние десятилетия XX в. неолиберализм стал нормативной идеологией элит и среднего класса, производя соответствующий тип субъектности, особенностью которого стало самоуправление индивида-предприятия. «Унифицированный субъект тотально

поглощен собой. Цель новой власти — внедрить в субъекта желание самореализации. Индивид должен работать в режиме собственной эффективности, наращивая свои усилия, как если бы это поведение диктовалось изнутри него самого, словно он сам себе командует, подчиняюсь порядку собственных желаний, сопротивляться которым, соответственно, было бы просто нелепо... Новые техники “себя как предприятия” без сомнения приводят к апогею отчуждения, поскольку претендуют на нейтрализацию каких-либо ощущений отчужденности: следование своим желаниям и подчинение Другому, который мягко шепчет изнутри самости субъекта, суть одно и то же. В этом смысле современный менеджмент — это “лакановское” управление: желание Другого становится желанием субъекта» (Dardot, Laval 2014: 262). Одно из ключевых желаний такого субъекта — максимализация усилия и достижений в любой сфере: «Он постоянно стремится быть как можно более эффективным, представляться полностью вовлеченным в свою работу... вся его деятельность неустанно сравнивается с формами производства, инвестирования и подсчета прибылей и убытков. Экономика становится личной дисциплиной» (Dardot, Laval 2014: 265).

В такой экзистенциальной модальности депрессия для неолиберального субъекта становится нормой в силу постоянно присутствующих рисков и принципиальной невозможности удовлетворить желания успеха и потребительских установок. Дардо и Лаваль указывают на целый спектр клинических состояний, сопутствующих такому положению дел, — деморализацию, де-символизацию, страдание от работы, искаженную автономию, разрушение личности и депрессивные эпизоды. «Когда самоуправляющийся субъект инвестировал свой нарциссизм в совокупный успех себя и себя как предприятия в режиме конкурентной борьбы, любая неудача может обернуться для него самым драматическим образом. Интернализируя рыночные ограничения, неолиберальный менеджмент субъекта-предприятия сталкивается с неопределенностью и брутальностью конкуренции и держит человека в постоянном ощущении личного неуспеха, стыда и подавленности» (Dardot, Laval 2014: 293).

Карантин, как будет видно из дневников, усилил эти состояния. «Натурализация рисков в неолиберальном дискурсе и возрастающее прямое столкновение трудящегося индивида с флуктуациями рынка при отсутствии защиты и коллективной солидарности становятся двумя сторонами одной монеты. Перекаладывая риски на работников, стимулируя растущее ощущение этих рисков, предприятие получает возможность требовать большей гибкости и преданности от неолиберального субъекта (Dardot, Laval 2014: 266). К тому же в условиях карантина граждане всех государств

мира в той или иной мере переживали обострившееся биополитическое давление со стороны правительств. Реакция на пандемию во многом объяснялась доминированием биополитической парадигмы, согласно которой во главу угла ставится биологическое существование людей как таковое, «здоровье становится юридической обязанностью, которая должна быть исполнена любой ценой» (Agamben 2021:29). Ответственность за исполнение этой обязанности возложена на граждан в виде требования дистанцироваться друг от друга и заменить личные контакты виртуальными, подтверждая тезис Агамбена о том, что «голая жизнь и страх потерять ее не объединяет, но ослепляет и разобщает людей» (Agamben 2021:18). В своей критике мировой реакции на эпидемию коронавируса Агамбен задается вопросом, что заставило людей подчиниться новому порядку, ограничившему практически все формы социальных контактов, и полагает, что ответ кроется во всеобщей атмосфере страха, которая стала идеальным контекстом для введения локдаунов. Столкнувшись с риском заражения, люди готовы жертвовать своей свободой ради выживания (Agamben 2021). Однако, как будет видно из дальнейшего анализа, ограничения в социальных контактах были хотя и существенным, но далеко не единственным источником психоэмоционального дискомфорта, вызванного пандемией.

Дневники как источник

Выбор метода заказного дневника (*solicited diary*) для фиксации изменений и эмоциональной реакции на них обусловлен уникальным свойством дневника регулярно, импульсивно и приватно регистрировать микроуровень повседневного поведения и эмоций непосредственно в процессе или максимально близко к моменту действий и переживаний (Volger et al. 2003), в отличие, например от интервью, которое представляет картину в рационально переосмысленном виде с выборочной детализацией и поправкой на сохранение социального лица в присутствии интервьюера¹.

С точки зрения принятой модели конструирования субъектности дневник, как и любой дискурс, это, помимо прочего, форма речевого воспроизводства самого субъекта. Позиция субъекта выражается в авторском голосе. Для данного исследования значим не каждый голос сам по себе, а их общее звучание (*voicing*): «Привязывание голоса к идентичности отдельной личности упускает из виду тот факт... что отдельный “голос”

¹ В то же время дневник всегда ограничен внутренней цензурой авторов, учитывающей социальные табу, нарушение которых может иметь репутационные риски, если автор дневника знает, что его текст будет доступен другим участникам проекта.

может быть коллективным продуктом» (Weidman 2014: 42). В данном случае я исхожу из того, что в дневниках звучит коллективный голос представителей определенной социальной группы, оказавшейся в сходных условиях¹. В то же время голос включен в диалогический процесс, любое «высказывание, осмысленно возникшее в определенный исторический момент в социально определенной среде, не может не задеть тысячи живых диалогических нитей, сотканных социально-идеологическим сознанием вокруг данного предмета высказывания» (Бахтин 2017: 24). Иными словами, значение высказывания не может быть корректно истолковано вне его диалогической связи с контекстом и идеологией говорящего.

Понимание высказывания, по мнению Бахтина, может быть пассивным (семантическим) или актуальным (прагматическим), причем первое он вообще не считает пониманием: «Языковое значение данного высказывания понимается на фоне языка, его же актуальный смысл — на фоне других конкретных высказываний на ту же тему, на фоне разноречивых мнений, точек зрения и оценок, то есть как раз на фоне того, что, как мы видим, осложняет путь всякого слова к своему предмету. Но только теперь эта разноречивая среда чужих слов дана говорящему не в предмете, а в душе слушателя, как его апперцептивный фон, чреватый ответами и возражениями» (Бахтин 2017: 29). Для актуального понимания текстов дневников важны прежде всего диалогические отношения высказываний с темой дневникового проекта «Как пандемия изменила вашу повседневность?», бэкграундом авторов, полифонией существующих оценок и мнений о предмете и, наконец, с прагматической пресуппозицией читателя, интерпретирующего тексты.

Прочитана была примерно половина доступных дневников, однако в рамках примененной методологии интерпретативные репертуары (см. ниже) начали повторяться уже после третьего дневника, а после прочтения десяти стало ясно: несмотря на некоторую вариативность примеров, базовые коды остаются прежними, что объясняется общим тезисом взаимных перспектив (Schutz 1990). Поскольку мне представлялось важным

¹ Будучи автором карантинного дневника, я не включаю свой текст в выборку, но пребываю в постоянном взаимодействии с голосами других участников, диалогически сопоставляя высказывания из их дневников с собственным опытом. Типичным наблюдением оказалось «так было и со мной, но по тем или иным причинам не внесено в дневник». Несмотря на специфику жанра, стремление сохранить социальное лицо выразилось во многих умолчаниях, например когда я не делился в дневнике мыслями о сократившейся вариативности еды, одежды и форм досуга и сексуальности, а также заботы о здоровье. Это стало еще одним доводом в пользу анализа коллективного голоса для задач данного исследования.

услышать голоса в разных межличностных, бытовых и правовых контекстах карантина, из двух десятков дневников я выбрал для анализа четыре, чьи авторы имели разные социальные профили и находились на момент пандемии в разных странах. Это замужняя женщина с двумя детьми, живущая в отдельной квартире в Финляндии (F44F), женщина в гражданском браке, занимающая с партнером отдельный дом в Австралии (F27A), женщина, снимающая комнату в квартире с друзьями в России (F30R), и мужчина, арендующий комнату в Грузии (M31G).

Методы

Описывая свои измененные карантином практики повседневности и перечисляя трудности в их реализации, участники проекта имплицитно ведут диалог с нормой. При анализе текстов я руководствуюсь тезисом, что в любом высказывании присутствуют индексальные значения, как указывающие на идеологию автора, так и отсылающие к контексту, в котором происходит производство нарратива и относительно которого только и возможно актуальное понимание.

Элементы идеологии диффузно рассеяны по тексту в виде интерпретативных репертуаров — лексико-стилистических фигур, раскрывающих авторскую позицию в отношении происходящего и обосновывающих действия говорящего в ответ на ситуацию. В интерпретативных репертуарах происходит дискурсивное конструирование и самого субъекта, и его картины мира — той версии реальности, которую эти репертуары одновременно производят и защищают от других, альтернативных версий, обеспечивая субъекту эпистемологическую уверенность в правоте своего поведения и реакций. При этом повторяемость репертуаров в индивидуальных высказываниях менее интересна для понимания идеологии группы, чем их регулярное появление в высказываниях разных авторов об одном и том же событии. Поттер и Уэтерелл полагают, что в разнообразии суждений о каком-либо явлении зачастую обнаруживаются «относительно сходные, когерентные языковые единицы и тропы, которые как раз и называются интерпретативными репертуарами (или темами)» (Potter, Wetherell 1988: 171). С помощью описанной дискурс-аналитической модели я выделил в текстах дневников следующие базовые репертуары: **использование пространства, управление временем, приоритеты социализации и забота о себе**. На основании анализа высказываний в рамках этих репертуаров ниже будет предложен вариант деконструкции норм повседневных практик, характерных для социального профиля авторов, их эмоциональных реакций, а затем их интерпретация и выводы.

Четыре дискурсивные темы

Хочется куда-то двинуться

Репертуар **использования пространства** объясняет некоторые ключевые требования, касающиеся пребывания внутри жилища и во внешнем мире.

В норме всем, включая школьников, нужно отдельное рабочее место, т.е. место, пригодное для умственного труда, как правило, требующего компактного расположения компьютера, книги и бумаг («работать (писать/читать/править) без стола довольно проблематично» — F30R) и отделенное от других («К отказывается читать при мне. Она заперлась в сауне и сказала, что будет читать котам» — F44F; «договаривались про то, в какое время кто сядет за письменный стол» — F30R). Те авторы, которым удалось в этом смысле сохранить до-карантинное статус-кво, осознают, как им повезло («работаем на разных этажах нашего дома, и это лучшее, что может случиться с парой на карантине» — F27A).

Считается нормой регулярно передвигаться вне дома. При этом речь в дневниках идет в основном о досуговых передвижениях («прямо почувствовала, что хочется куда-то двинуться» — F27A; «нестерпимо хочется в лес и к морю» — F44F; «похоже, отсутствие возможности физических поездок что-то отнимает» — F44F; «сейчас пойти некуда (библиотеки, рестораны, столовые и бары закрыты) и не с кем встретится» — M31G) как способе получения удовольствия: «единственное, что радует — это гулять по лесу, смотреть на поля» (F44F). Авторы ищут возможность юридически обосновать досуговые прогулки в условиях, когда пребывание вне дома без веской причины запрещено («в Австралии спорт — это официально легитимная сейчас причина выхода из дома» — F27A), но когда нужно куда-то по делу, отсутствие транспорта и необходимость добираться самостоятельно видится проблемой («наземного транспорта напрямую туда не было, такси туда-обратно дорого, оставался вариант с пробежкой туда и обратно на такси» — F30R; «до вокзала и обратно я ходил пешком... общественный транспорт до сих пор не работает» — M31G), т.е. ходить пешком по делам особого удовольствия не приносит.

Куда уходит время

В репертуаре **управления временем** доминируют два акцента: на первоочередной важности работы и вариативности занятий. Деформированная темпоральность карантина («от восприятия эпидемии меняется время, представление о прошлом, настоящем и будущем» — M31G) породила иллюзию бесконечного времени, в том числе времени для работы

(«все застыло» — M31G; «ощущение, что рабочего времени стало больше, так как не нужно никуда ездить» — F44F), которое при этом парадоксальным образом вышло из-под контроля («времени совсем ни на что не хватает, самое главное, не могу понять, куда оно уходит и почему так происходит» — F44F; «постоянное ощущение, что нормально не работаешь и мало делаешь» — F27A). Наибольшую тревогу вызывает у авторов дневников именно сложность структурирования времени работы, потому что в норме оно обычно регламентировано даже у людей интеллектуального труда, не привязанных к офисному или фабричному графику («пытаюсь контролировать профессиональное использование времени. Например, в приложении ставлю таймер на чистое время работы» — F27A; «с утра предложила вариант с делением [времени за письменным столом] на рабочие слоты по пять часов, которые будут чередоваться» — F30R; «на мои собственные занятия осталось буквально 2 часа» — F44F).

Другая характеристика времени в норме — разнообразие заполняющих его занятий:

...дни становятся все более однообразными (F30R);

...апокалипсис — это тяжелый, повторяющийся изо дня в день, очень рутинный, очень банальный образ жизни (M31G);

...удалось с трудом вылезти из кровати в 7 утра, и до сих пор я шатаюсь по квартире (F44F).

Контакт грел душу

Репертуар **приоритетов социализации** позволяет оценить значение личных встреч и онлайн-коммуникации. В норме авторы ожидают регулярных контактов как со знакомыми («пиршествовать не с кем» — F30R; «страшно хочу общаться» — F27A), так и с незнакомыми людьми («выкидывая мусор, заговорила с соседкой» — F30R; «встретила бездомного — спросила, не откажется ли от этой еды» — F30R; «начинает хотеться каких-то социальных контактов» — F27A; «благодаря выходам на балкон я познакомился с соседями» — M31G), причем и те и другие имеют важные, прежде всего эмоциональные функции, которые не всегда выражены эксплицитно («нечаянный социальный контакт грел душу» — F30R; «непринужденная болтовня перед лекцией» — F27A; «видеться и обниматься без страха передать вирус» — F30R; «побыть с другими людьми» — M31G).

В отношении онлайн-коммуникации авторы дневников высказываются в основном критически («эффект присутствия неполный, нет раз-

деления общих практик» — F44F; «у меня осталось ощущение нарушенных границ моей приватности» — F44F; «совсем нет эмоциональных сил на видеозвонки» — F30R; «нам нужен карантин от социальных сетей» — M31G), что означает, что в норме онлайн-формат общения для работы и досуга представлял собой крайнюю меру («раньше общение по скайпу я воспринимала как неизбежное зло» — F30R), хотя на карантине он стал едва ли не единственным («хотели побыть с другими людьми, но есть возможность только побыть с Фейсбуком, Инстаграмом, Телеграмом» — M31G; «сейчас такой формат (скайп, зум, блюджинс) заместил просто все мыслимые формы коммуникации» — F30R).

Кашилять с чистой совестью

В репертуаре **заботы о себе** речь идет об эффективности, здоровье и разнообразии. Одно из ожиданий от себя в норме — высокая результативность труда, выраженная в дневниках номинативами *эффективная работа, продуктивность, производительность* («никакой эффективной работы не получается, производительность намного ниже» — F44F; «много моих друзей и подруг жалуются на проблемы с концентрацией и продуктивностью» — M31G), которая понизилась на карантине по причинам, не всегда очевидным авторам дневников. В случае с детьми как отвлекающим фактором все неоднозначно: с одной стороны, они нуждаются в заботе, с другой — вполне самостоятельны («работать можно, но дети требуют внимания» / «дети тоже развлекают сами себя большую часть времени» — F44F). А. Темкина и Д. Литвина объясняют это наложением трудовых и повседневных задач во времени и пространстве, а также отсутствием ориентиров для измерения собственной эффективности: «Они оказались перегружены обязанностями (случившимися одновременно “здесь и сейчас”), при этом в академическом мире отсутствовали социальные критерии самооценивания новой виртуальной производительности и профессиональной позиции, что вызывало чувства неудовлетворения, тревоги, стыда и вины» (Litvina, Temkina 2022: 62).

В норме поддержание здоровья физического и психического связано с практиками, не все из которых на карантине доступны и/или действенны:

...кажется, к пробежке в маске я пока не готова (F30R);

...вино, закупленное на этапе карантинной эйфории, тоже не пьется и радости не приносит (F44F);

...мое потребление алкоголя сократилось до нуля. Не хочется пить дома (M31G);

...заклеенный зуб все-таки упал... с опытом ковид-беспокойства искать специалиста сложнее (F30R);

...почти у всех у нас начались проблемы со сном (M31G).
Поэтому требуется поиск новых:

...в голове всегда назойливая мысль, что надо заниматься спортом... но я никогда, блин, не занимаюсь спортом (F27A);

...вчера купила велосипед, подержанный, вечером каталась с К. Полна надежд и решимости сегодня продолжить (F44F).

Отдельным мотивом звучит рефлексия о страхе перед коронавирусом:

Один раз так руки помыла, но не тщательно — пришлось возвращаться и перемывать, потому что началось беспокойство (F27A).

Разозлилась, потому что он напихал себе в рот вместе с курицей короновирус (если он там был) (F27A).

Вчера пришел по смс отрицательный тест на ковид. Я рада, продолжаю кашлять с чистой совестью (F44F).

Мы все должны неизбежно стать хотя бы немного вирусологами (M31G).

Авторы пытаются создать дополнительный барьер между собой и потенциальной инфекцией на поверхностях:

...вещи на улице начинают восприниматься как потенциально опасные (F44F);

...протирала руки санитайзером (F44F);

...стараюсь все брать только перчатками (F30R);

...двери открываю натянутым рукавом свитера (F30R).

Поверхности метонимически репрезентируют людей, которые к ним прикасаются («все всё трогали» — F27A), причем опасность не только

на поверхностях, но и в воздухе: «Рефлекторно задерживаю дыхание, когда приходится близко проходить мимо человека» (F27A).

Третья характеристика нормы в отношении себя — это разнообразие досуга («сон, бег, йога, готовка — отдых стремительно сократился до этих четырех позиций» — F30R; «как отдыхать, когда даже банальный просмотр фильма возвращает к необходимости смотреть в экран компьютера, я пока не придумала» — F30R; «возобновлен потребительский досуг: всей семьей съездили в цветочный супермаркет» — F44F), одежды («хочется как-то разграничивать “домашнее” и “рабочее”» — F27A); «домашняя одежда становится все более недомашней» — F30R) и пищи («Сегодня купили... пиццу и кебаб. Это было очень, очень вкусно. Я поняла, что мне жутко надоела домашняя еда» — F44F; «синглу приходится ориентироваться в основном на одну-две конкретные [суши] позиции» — F30R), обедневшее в пандемию в результате ограниченного доступа к сервисам. Беднеет и содержание коммуникации: «С говорит по телефону: “Нечего рассказывать, ничего не меняется, ничего не происходит”» (M31G).

Интерпретация и выводы

В трех из рассмотренных репертуаров присутствует тема работы, к которой во всех контекстах предъявляется требование высокой результативности: отдельное пространство, продуктивное использование времени и эффективность. Это совпадает с одной из базовых характеристик неолиберального субъекта: «Работа для него — это эксклюзивное средство самореализации: именно преуспевая профессионально, человек делает свою жизнь “успешной” в целом. Работа обеспечивает автономность и свободу, в этом смысле она выступает наиболее выгодным способом применения способностей человека, расходования его креативной энергии и доказательства его ценности» (Dardot, Laval 2014: 268). То есть страдание от невозможности быть эффективным вызвано в большей степени не тревогой за свое финансовое благополучие, а именно экзистенциальными характеристиками неолиберальной субъектности.

Другая ключевая тема всех интерпретативных репертуаров — разнообразие. В способах и целях передвижения, в использовании времени, в контактах, досуге, еде и одежде. Неспособность к реализации этих норм приводит к ощущению непорядка и страданию («жалуются на проблемы с концентрацией и продуктивностью»; «мне жутко надоела домашняя еда»; «отдых стремительно сократился до этих четырех позиций»; «страшно хочу общаться»; «нет эмоциональных сил на видеозвонки»; «работать без стола довольно проблематично»; «постоянное ощущение, что нормально не работаешь и мало делаешь»; «нестерпимо хочется в лес и к морю»).

Здесь субъект-предприятие сталкивается с проблемами в менеджменте не только своей работы, но и потребления и досуга, поскольку «из всякого усилия следует извлекать максимальное количество продукта или ощущений» (Dardot, Laval 2014: 269).

Глагольные словосочетания в цитатах (*жутко надоела, стремительно сократился, страшно хочу, работать проблематично, нестерпимо хочется*) содержат эмоциональный ответ на невозможность реализации практик, свойственных хабитусу рассматриваемого социального профиля. Для неолиберального субъекта описанные нормы выглядят естественными, равно как и фрустрация от их нарушения. В то же время, следуя принципу Бахтина о диалогическом разнообразии оценок и мнений о предмете, очевидно, что такие нормы не универсальны. В рамках иной картины мира, например буддийской, карантинные ограничения могут иметь индексальное значение духовных испытаний и стимулов к практике пробуждения, даже если до изоляции неолиберальный порядок представлялся субъекту нормой. Если же рассмотреть перечисленные нормы относительно хабитуса крестьянина из деревни, который работает по необходимости, не стремится удалиться от дома, удовлетворен кругом общения из нескольких соседей, обходится простым рационом и парой комплектов одежды и проводит досуг с детьми, то фрустрация авторов дневников покажется и вовсе неестественной¹.

Субъект-предприятие в принципе не может бездействовать. «В этом отношении использование слова “предприятие” — не метафора. Деятельность индивида в своей цельности — постоянный процесс самооценивания. Этот термин указывает на то, что любая деятельность в различных ее проявлениях (оплачиваемая работа, благотворительность, домашнее хозяйство, приобретение новых навыков, развитие сети контактов, подготовка к смене деятельности, и пр.) всегда задумана как предпринимательская по своей сути» (Dardot, Laval 2014: 272). Поэтому участники дневникового проекта страдали не столько от самих ограничений, лишавших их способности к некоторым действиям, сколько от неспособности отказаться от привычных практик, что Дж. Агамбен обозначил как одно из проявлений власти, «распространяющееся не непосредственно

¹ В связи с этим показателен эпизод из полевого опыта автора в небольшой белорусской деревне, где соседка в неформальном интервью выразила удивление потребительской практикой дочери, недавно переехавшей с мужем в провинциальный город: «Поехали отдыхать в Турцию. Вот дурные... купили же кровать двуспальную — лежи да отдыхай». Поездка в чужую страну за немалые деньги казалась ей безумием, связанным с рисками, расходами и усталостью вместо «нормального» отдыха.

на то, что люди могут делать — на их силы, а на их бессилие, т.е. на то, чего они не могут делать, или скорее на то, чего они могут не делать» (Агамбен 2014: 74). Одна из особенностей производства субъекта властью, отмеченная Дж. Агамбеном, — отсутствие у субъекта возможности задействовать собственную неспособность, которая составляет равнозначную оппозицию пары быть или не быть, делать или не делать, определяющую собственно человеческое, в отличие от прочих живых существ, действующих только в соответствии с биологией: «Не только объем того, что кто-либо может делать, но также — и в первую очередь — потенциальная способность поддерживать связь с самой возможностью этого *не* делать определяет важность его действий» (Агамбен 2014: 75). В нашем случае это способность *не* выходить из дому для прогулки, *не* видиться с людьми, *не* стремиться к эффективности в работе, *не* разнообразить практики еды, одежды и досуга. Большая часть того, что описано в дневниках как нарушение нормы, связано с неспособностью авторов к выбору неделания чего-либо, на что и «опирается сегодняшняя власть... она отделяет людей не только и не столько от того, что они могут делать, сколько от того, чего они могут не делать... он (человек) каким-то непостижимым образом оказался во власти сил и процессов, контролировать которые он совершенно не в состоянии. Он слеп не к своим способностям, а к своим неспособностям» (Агамбен 2014: 76).

Желание быть успешным предприятием неотделимо от желания быть поощренным за труды. При этом аскетизм нелиберальной трудовой этики парадоксально сочетается с императивом экстремального гедонизма в потреблении, что стало одной из тем работы Делеза и Гватари о шизофреническом характере процесса субъективации в либидинальной экономике капитализма, который может функционировать, только высвобождая потоки желания, превосходящего возможности системы производства и потребления. «Это не этика человека, который делает то, что умеет, и потребляет то, что ему необходимо, соблюдая баланс между пользой и вредом. От нелиберального субъекта требуется производить “еще больше” и наслаждаться “еще больше”, оставаясь в прямой зависимости от “избыточного удовольствия”, которое становится системным. Сама жизнь во всех своих проявлениях становится объектом аппарата производительности/удовольствия (*performance/pleasure*). Таков бинарный знак управленческого дискурса, превратившего производительность в долг, и дискурса рекламы, сделавшего наслаждение обязанностью» (Dardot, Laval 2014: 286). Одно из объяснений фрустрации, звучащей в дневниках, — сократившиеся возможности получения удовольствия (разнообразие потребления, поездок, социализации и досуга), за счет чего высвобо-

дилось лишнее время, нарушив привычное соотношение темпоральности *performance/pleasure*. С одной стороны, респонденты пытались «заняться с пользой» высвободившееся время. Например, во фразе «надо заниматься спортом, но я никогда, блин, не занималась спортом» слышен звучащий изнутри голос Другого, принуждающий к «самоулучшению» при любой удобной возможности. С другой стороны, стало больше потенциального времени для работы, что вызвало перманентную фрустрацию от нерационального использования времени: многие отмечали апатию, работа смешивалась с обыденными внерабочими обязанностями, в пространстве жилища стали конфликтовать режимы разных обитателей.

Эффективность и разнообразие — императивы неолиберальной субъектности, существующей по законам рынка и экономизирующей все аспекты жизни. В этой парадигме субъект-менеджер себя как предприятия обладает активами в виде навыков, способностей и знаний и ресурсами, обозначенными в дневниках как время, пространство, другие и сами авторы. «Индустриальный капитализм самим характером производства превратил время в экономический ресурс, подлежащий капитализации. А там, где время — товар, время — деньги, там безделье, лень и праздность объективно становятся “затекстовыми” маргиналиями по отношению к труду как к “тексту”» (Разинов 2021: 24). Неолиберальный субъект зависим от капитализации ресурсов, что означает его вечную устремленность в будущее, поскольку капитализация связана с оценкой именно будущей, а не текущей доходности. Неолиберальная экономизация предполагает инвестиции в себя, в отношения с другими, в освоение пространства. Фрустрация пандемии для неолиберального субъекта объясняется ежедневной потерей доходности из-за невозможности исчерпания ресурсов и их капитализации. Неинвестированные сегодня время, пространство, другой и сам субъект — это потерянные дивиденды в будущем. Ситуация карантина была подобна обрушению фондового рынка индивидуальных ресурсов, обесцениванию собственных акций в застывшем настоящем.

Невозможность действовать «предписанным образом» вызывает чувства вины и стыда вследствие как академической непродуктивности, так и неспособности управлять повседневными задачами, т.е. и в профессиональной, и в личной сфере. Эти моральные эмоции маркируют реакции на нарушения культурных кодов (стандартов), когда человек «не делает, что должно» (Haidt 2003; Turner, Stets 2006; Creed et al. 2014). В классическую эпоху одним из дисциплинарных требований к индивидам стало исчерпание времени: «Расписание существовало во избежание опасности пустой траты времени, что считалось моральным проступком и экономической нечестностью» (Foucault 1995: 154). Перефразируя тезис Фуко

для участников дневникового проекта, норма — исчерпать рабочее время с максимальной продуктивностью, а время досуга — для активного отдыха и домашних дел. По этому принципу пространство исчерпывается передвижениями, сам субъект — эффективностью в работе и вариативностью потребительских практик, а другой — в общении. Независимо от того, в какой стране участники оказались на карантине, ключевой проблемой для них было не отсутствие определенности или политэкономические факторы, а то, что изоляция затруднила использование ресурсов, порождая ощущение тревоги и вины в связи с невозможностью исчерпать свое время, пространство, других и себя самих. То есть, будучи неспособными исчерпывать ресурсы в формате усвоенной нормы, авторы дневников жили с ощущением морально-экономического проступка.

Другим проступком — морально-политическим — стало нарушение юридической обязанности сохранять свое здоровье. Условия карантина были практически невыполнимы: обязательное ношение масок всегда оставляло вопрос, является ли открытый воздух общественным местом («к пробежке в маске я пока не готова»), ношение перчаток при их отсутствии в продаже и неудобстве ношения вынуждали к спонтанным методам защиты от поверхностей («двери открываю натянутым рукавом свитера»), меняющаяся медицинская повестка о способах передачи вируса всегда оставляла вопрос, «где заканчивается безопасное пространство и начинается опасное», а туманность предписаний о социальной дистанции приводила к «задерживанию дыхания, когда приходится близко проходить мимо человека». Пандемия стала исторической иллюстрацией идеи Агамбена о чрезвычайном положении (Агамбен 2011), которое всегда обосновывается необходимостью защиты «голой жизни», чисто биологического существования, сводя граждан к животному состоянию и давая правительству неограниченную власть в способах наказания подданных, чье неподчинение указам чиновников во время чрезвычайного положения несет угрозу голой жизни их самих и других граждан.

Заключение

Страдание участников дневникового проекта имело несколько причин, происходивших как изнутри их неолиберальной субъектности, так и извне: нарушенный баланс производительности и удовольствия, когда доступ к источникам потребительского удовольствия сильно ограничен, а эффективно занять высвободившееся время не удается, вызывал чувство морального проступка в дополнение к заметно сократившимся способам получать наслаждение; возросли экономические риски для субъектов-предприятий; люди испытывали страх за голую жизнь в условиях

обострившихся внешних рисков заражения смертельным вирусом и вину за неисполнение невнятных и постоянно меняющихся карантинных предписаний. Дневники свидетельствуют, что пандемия сделала субъекта жертвой «техно-медицинского деспотизма», а также лишила его идеологической защиты, выстроенной в виде повседневных практик, из которых состояла рациональная нормальность. Произошло как бы двойное расчеловечивание индивидов, живущих в неолиберальной идеологии, заключавшееся, с одной стороны, в утрате гражданских прав и свобод, а с другой — в утрате привычных способов производства социально-ролевой субъектности. Впрочем, с точки зрения Агамбена, это могло стать потенциальной возможностью сдвига в идеологии знаков, поскольку актуализировало вопросы о стиле жизни, ценностях и императивах неолиберальной повестки. То есть пандемия стала своеобразной формой альтюссеровского оклика, уникальной исторической интерпелляцией, открывшей для индивида новые смыслы и перспективы.

Литература

- Агамбен Д. (2011) *Ното Sacer. Чрезвычайное положение*. М.: Европа.
- Агамбен Д. (2014) *Нагота*. М.: Грюндриссе.
- Бахтин М. (2017) *Слово в романе*. СПб.: Пальмира.
- Карпова Э, Николаева Н. (2020) Негативные психоэмоциональные последствия пандемии COVID-19 в группе риска. *Национальный психологический журнал*, 3(39): 66–74.
- Разинов Ю. (2021) Маргинальное время труда и досуга: экзистенциально-онтологический аспект. *Труд и досуг. Альманах центра исследований экономической культуры*. М.: Издательство Института Гайдара.
- Семенова Н. (2022) К вопросу о психологических последствиях пандемии Ковид-19: обзор. *Психотерапия*, 1–2: 19–24.
- Agamben G. (2021) *Where are we now? Epidemic and Politics*. L.: Eris Press.
- Alaszewski A. (2006) *Using diaries for social research*. L.: Sage.
- Bolger N., Davis A., Rafaeli E. (2003) Diary methods: Capturing life as it is lived. *Annual Review of Psychology*, 54: 579–616.
- Collins R. (2020) Social distancing as a critical test of the micro-sociology of solidarity. *American journal of cultural sociology*, 8(3): 477–497.
- Dardot P., Laval C. (2014) *The New Way of the World: On Neo-Liberal Society*. L.: Verso.
- Foucault M. (1995) *Discipline and Punish*. N.Y.: Vintage Books.
- Klein N. (2008) *The Shock Doctrine. The Rise of Disaster Capitalism*. L.: Picador.
- Kontoangelos K., Economou M., Papageorgiou C. (2020) Mental health effects of COVID-19 pandemic: a review of clinical and psychological traits. *Psychiatry investigation*, 17(6): 491.

Litvina D., Temkina A. (2021) The Academicians on Quarantine: Reflexivity and Fragility of a Privileged Group at the Start of Pandemic. *Russian Sociological Review*, 20(4): 43–65.

Madianou M (2020) A Second-order disaster? Digital technologies during the COVID-19 pandemic. *Social media + society*, 6(3): 1–5.

Wetherell M., Potter J. (1988). Discourse analysis and the identification of interpretive repertoires. In: Antaki C. (ed.) *Analysing everyday explanation: A casebook of methods*. Newbury Park: Sage.

Schutz A. (1990) Symbol, Reality & Society. In: Schutz A. *Collected Papers 1. The Problem of Social Reality*. Kluwer Academic Publishers.

UN Policy Brief: COVID-19 and the need for action on mental health, 2020 URL: <https://unsdg.un.org/sites/default/files/2020-05/UN-Policy-Brief-COVID-19-and-mental-health.pdf> (дата обращения: 30 марта 2023).

Weidman A. (2014) Anthropology and Voice. *Annual Review of Anthropology*, 43: 37–51.

THE FRUSTRATION OF A SUBJECT IN NARRATIVES OF “COVID DIARIES”

Alisher Sharipov (aligrapher@gmail.com)

Institute for linguistic studies of the RAS, Saint Petersburg, Russia

Citation: Sharipov A. (2023) Frustratsiya subyekta v diskurse «kovidnykh dnevnikov» [The frustration of a subject in narratives of “covid diaries”]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(3): 181–200 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.7>. EDN: ZJNVJG

Abstract. During the pandemic of COVID-19 governments of most countries around the world imposed significant limitations for the freedom of movement and social contacts, which became a source of psycho-emotional issues for some social groups even when there were no noticeable financial consequences of the quarantine. Based on the covid diaries by Russian-speaking scholars in humanities, the article proposes an explanation for the negative reaction of authors to the situation of pandemic from the point of view of neoliberal subjectivity characteristics outlined by Dardot and Laval, within the framework of state of emergency theory by Giorgio Agamben. The research was not focused on socio-economic changes caused by the global quarantine, but on deconstructing the norms and subjectivity features exposed in narratives of covid diaries in response to repressive calls of the pandemic. The discourse analysis method by Potter and Wetherell allows to reveal diaries authors' attitude regarding the situation and allow to separate it from alternative competing models of reality, while justifying authors' reaction to what's going on. There are four interpretative repertoires that are extracted from the discourse analysis of diaries: a repertoire of *using space*, of *managing time*, of

socialization priorities and of *self-care*. The analysis shows that the main sources of psycho-emotional issues for the considered social profile were frustration caused by impossibility to implement neoliberal imperatives of high productivity and consumer variety, anxiety caused by the bio-political repressions of the governments and fear of coronavirus.

Keywords: COVID-19 pandemic, solicited diary method, neoliberal subject, discourse analysis, psycho-emotional distress.

References

- Agamben D. (2011) *Homo Sacer. Chrezvychainoe polozenie* [The state of Emergency]. Moscow: Evropa (in Russian).
- Agamben D. (2014) *Nagota* [Nudity]. Moscow: Grundrisse (in Russian).
- Agamben G. (2021) *Where are we now? Epidemic and Politics*. London: Eris Press.
- Alaszewski A. (2006) *Using diaries for social research*. London: Sage.
- Bakhtin M. (2017) *Slovo v Romane* [Discourse in the Novel]. St. Petersburg: Palmira (in Russian).
- Bolger N., Davis A., Rafaeli E. (2003) Diary methods: Capturing life as it is lived. *Annual Review of Psychology*, 54: 579–616.
- Collins R. (2020) Social distancing as a critical test of the micro-sociology of solidarity. *American journal of cultural sociology*, 8(3): 477–497.
- Dardot P., Laval C. (2014) *The New Way of the World: On Neo-Liberal Society*. London: Verso.
- Foucault M. (1995) *Discipline and Punish*. New York: Vintage Books.
- Karpova E., Nikolaeva N. (2020) Negativnye psikhoemotsionalnye posledstviya pandemii COVID 19 v gruppe riska [Negative psycho-emotional consequences of COVID–19 pandemic for risk groups]. *Natsionalnyi psichologicheskii zhurnal* [National magazine of psychology], 3(39): 66–74 (in Russian).
- Klein N. (2008) *The Shock Doctrine. The Rise of Disaster Capitalism*. London: Picador.
- Kontoangelos K., Economou M., Papageorgiou C. (2020) Mental health effects of COVID–19 pandemic: a review of clinical and psychological traits. *Psychiatry investigation*, 17(6): 491.
- Litvina D., Temkina A. (2021) The Academicians on Quarantine: Reflexivity and Fragility of a Privileged Group at the Start of Pandemic. *Russian Sociological Review*, 20(4): 43–65.
- Madianou M (2020) A Second-order disaster? Digital technologies during the COVID-19 pandemic. *Social media + society*, 6(3): 1–5.
- Razinov Y. (2021) Marginalnoe vremya truda i dosuga. Ekzistentsialno-ontologicheskii aspekt [Marginal time of labor and leisure. An existential-ontological aspect]. *Trud i dosug. Almanakh tsentra issledovaniy ekonomicheskoi kultury* [Labor and leisure. Bulletin of economic culture research center]. Moscow. Izdatelstvo Instituta Gaidara (in Russian).
- Schutz A. (1990) Symbol, Reality and Society. In: Schutz A. *Collected Papers 1. The Problem of Social Reality*. Kluwer Academic Publishers.
- Semenova N. (2022) K voprosu o psichologicheskikh posledstviyakh pandemii Kovid-19: a review [On psychological effects of COVID-19 pandemic: a Review]. *Psichoterapiya* [Psychotherapy], 1–2: 19–24 (in Russian).

Weidman A. (2014) Anthropology and Voice. *Annual Review of Anthropology*, 43: 37–51.

Wetherell M., Potter J. (1988). Discourse analysis and the identification of interpretive repertoires. In: Antaki C. (ed.) *Analysing everyday explanation: A casebook of methods*. Newbury Park: Sage.